АЛЕКС ФРИМАН

ВЛАСТЕЛИН РАЗУМА

КНИГА О ТОМ, КАК УПРАВЛЯТЬ ТЕМ,
О ЧЁМ ДРУГИЕ ДАЖЕ НЕ ПОДОЗРЕВАЮТ

Алекс Фриман
Властелин разума

https://litres.ru/74728214
SelfPub; 2026

Аннотация

Ироничный, наблюдательный интеллектуальный роман с элементами городского фэнтези и психологической драмы.

Повествование от третьего лица с глубоким погружением в мысли Алекса: его цинизм, скука всемогущества, вспышки мальчишеского азарта и нарастающий экзистенциальный тупик.

Главные герои:

Алекс: До удара молнии — наблюдательный, возможно, немного замкнутый парень с незаметной жизнью. После удара молнии — «режиссёр чужих жизней». Сначала он упивается свободой и безнаказанностью, затем начинает сходить с ума от тишины вокруг: никто не может сказать ему «нет», а значит, никто не искренен.

Кира: Девушка с поразительной внутренней автономией. Почему её разум не поддаётся? Это может быть редкая неврологическая особенность, последствие давней травмы, психологический феномен абсолютной честности с собой или метафизическая тайна, связанная с той же грозовой ночью. Она видит Алекса насквозь именно потому, что он не может навязать ей свой сценарий.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Алекс Фриман
Властелин разума

Глава 1

Глава 1. Симфония на заднем сиденье

Самым трудным в абсолютной власти оказалось не искушение, а чудовищная, всепоглощающая скука.

Человеческая психика, как выяснил Алекс в первые три месяца после той памятной июльской грозы, устроена до обидного примитивно. Люди воображают себя носителями сложнейшей душевной организации, пишут трактаты о свободе воли и спорят о категорическом императиве Канта, но на деле их мозг напоминает старый радиоприемник с разболтанной ручкой настройки. Достаточно было слегка надавить — даже не приказать, а просто мягко подтолкнуть мысль, пустить её по нужной извилине, — и самый несгибаемый скептик с радостной готовностью делал то, за что минуту назад назвал бы вас безумцем.

Молния, вошедшая в правое плечо Алекса и вышедшая через левую пятку в сырую землю подмосковного дачного поселка, не оставила ожогов глубже легкого сетчатого следа Лихтенберга на лопатке. Зато взамен она напрочь выжгла барьер между его волей и чужим восприятием.

Утро началось с дождя — мелкого, липкого, превращающего столицу в бесконечный серый аквариум. Алекс стоял на Садовом кольце. Зонт он принципиально не брал: когда можешь заставить любого прохожего раскрыть над тобой купол и почтительно идти рядом, прогноз погоды теряет актуальность.

К обочине плавно притерся представительский черный седан. Стекло опустилось, из теплого кожаного салона пахнуло дорогим табаком и климат-контролем. За рулем сидел плотный мужчина лет пятидесяти с тем выражением лица, которое приобретается исключительно после двадцати лет непрерывного руководства департаментом в крупной корпорации — смесь хронической язвы и уверенности в собственном превосходстве.

— Слышь, ты куда под колеса прешь? — процедил водитель.

Алекс даже не моргнул. Он просто посмотрел в зрачки мужчины, уловив знакомую вибрацию — словно тронул басовую струну внутри чужого черепа.

«Ты не спешишь на совет директоров. Ты безумно рад меня видеть. Более того, ты всю жизнь мечтал подвезти этого интеллигентного юношу до Лаврушинского переулка абсолютно бесплатно, а по дороге — спеть что-нибудь жизнеутверждающее».

Глаза водителя на долю секунды остекленели, зрачки расширились, впитывая новую директиву, и тут же на лице рас-

цвела широкая, искренняя, почти детская улыбка.

— Доброе утро! Садитесь, пожалуйста, простудитесь ведь, — с неподдельным радушием распахнул пассажирскую дверь топ-менеджер. — Куда путь держим?

— В Третьяковку, — Алекс скользнул на мягкое кресло, стряхивая капли с рукава пальто. — И если вам не трудно, Аркадий Семенович... давайте без радио. По радио сейчас одна тоска.

— Без радио так без радио, — легко согласился Аркадий Семенович, чьё имя Алекс мимоходом выудил из поверхностных слоев его памяти вместе с пин-кодом зарплатной карты и воспоминанием о неловком адюльтере в Сочи. — А может... споем? Знаете, почему-то с утра вертится в голове: *«Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко...»*

— Запевайте, — великодушно разрешил Алекс, глядя в окно на ползущую пробку.

Аркадий Семенович вывел руль, прокашлялся и бархатным баритоном затянул припев, с чувством постукивая пальцем с золотой печаткой по оплетке руля.

Алекс усмехнулся в воротник, но в груди неприятно кольнуло холодом. В этом и заключалась главная трагедия его положения: он получил ключ от всех дверей мира, но за каждой дверью обнаруживал лишь зеркало, отражающее его собственный каприз. Если весь мир соглашается с тобой до того, как ты успел договорить фразу, диалог перестает существовать. Остается монолог сумасшедшего в пустой комнате.

Перед входом в Новую Третьяковку было безлюдно. Музей открывался только через полтора часа, за тяжелыми стеклянными дверями маячила фигура сонного охранника в серой форме и женщины-контролера, неторопливо раскладывавшей программки.

Алекс подошел к двери и негромко постучал монеткой в стекло.

Охранник скривился, подошел, жестом показывая на табличку с часами работы: мол, ослеп, парень? Закрыто.

Алекс встретил его взгляд сквозь толстое стекло. Внутренний щелчок.

«Инспекция из министерства культуры. Нет, лучше: внеплановая частная экскурсия по личному распоряжению куратора. Двери открыть, свет в третьем зале включить, чай заварить, не мешать».

Замок щелкнул. Дверь распахнулась с мягким шорохом.

— Проходите, пожалуйста, мы вас ждали, — вежливо пробормотал охранник, виновато поправляя кобуру на ремне. — Бахилы надевать не обязательно, полы только натерли, но вам можно.

— Благодарю, Степан. Чаю не надо, я просто поброжу.

Тишина музейных залов в нерабочие часы обладала особым весом. Картины, освобожденные от сотен назойливых взглядов, гидов с флажками и шепота туристов, словно дела-

ли глубокий вдох. Алекс медленно шел по паркету, слушая гулкое эхо собственных шагов.

Он любил бывать здесь один. Искусство было, пожалуй, единственным, чем он не мог манипулировать напрямую. Краски уже застыли на холсте вечность назад; мертвые художники не поддавались внушению. Врубель смотрел на него безумными глазами своего Демона, и Демону было абсолютно плевать на биоэлектрические фокусы живого парня из Королева.

Алекс остановился перед масштабным полотном, заложив руки в карманы. Идиллия длилась ровно семь минут.

— Молодой человек, вы вообще в своем уме? — раздался сзади сухой, отчетливый женский голос.

Алекс не вздрогнул, но бровь приподнял. Тон был неправильным. В нем не было подобострастия охранника, не было туповатого благодушия поющего водителя. В нем звенело обыкновенное, здоровое человеческое раздражение.

Он обернулся.

В трех шагах от него стояла девушка лет двадцати пяти. В выцветшем темно-синем комбинезоне с пятнами растворителя на кармане, с волосами, небрежно заколотыми деревянной шпилькой, и толстым планшетом для записей под мышкой. В руке она держала узкий шпатель реставратора. Глаза — серые, колючие и совершенно ясные.

— Музей закрыт, — холодно произнесла она, смерив его взглядом с макушки до мокрых ботинок. — Каким образом

вы сюда проникли? Степан опять уснул у мониторов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.